

*Посвящается Джейсону и памяти его деда, которого он не знал, –
но его дед любил Венецию, и, по-хорошему, эту книгу
должен был бы написать именно он*

Содержание

Пролог	9
ЧАСТЬ I. ОТ ВАРВАРСКИХ НАШЕСТВИЙ ДО ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА	15
1. Истоки (до 727 г.)	17
2. Рождение (727–811)	30
3. Возникновение города (811–900)	42
4. Авантюрист и святой (900–991)	56
5. Амбициозная династия (991–1032)	67
6. Нормандская угроза (1032–1095)	84
7. По следам Крестового похода (1095–1130)	96
8. Меж двух империй (1130–1172)	114
9. Примирение (1172–1187)	132
10. Позорная слава (1187–1205)	147
ЧАСТЬ II. ИМПЕРСКАЯ ЭКСПАНСИЯ	171
11. Латинская империя (1205–1268)	173
12. Цена гордыни (1268–1299)	192
13. Торжествующие олигархи (1297–1310)	210
14. Заговор и Совет десяти (1310)	220
15. Владения на материке (1311–1342)	231
16. Андреа Дандоло и Марино Фальеро (1342–1355)	245
17. Колонии, утраченные и сохраненные (1355–1376)	261
18. Война с Генуей (1372–1381)	275
19. Формирование империи (1381–1405)	290

ЧАСТЬ III. ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕРЖАВА	311
20. Империя разрастается (1405–1413).....	313
21. Дождь-провидец (1413–1423).....	329
22. Карманьола (1423–1432).....	338
23. Волнения на материке (1432–1455).....	353
24. Падение Константинополя (1453).....	367
25. Двое Фоскари (1453–1457).....	377
26. Османская угроза (1457–1481).....	386
27. Феррарская война и королева Кипра (1481–1488).....	406
28. Франция на марше (1489–1500).....	417
29. Двойная катастрофа (1499–1503).....	432
30. Камбрейская лига (1503–1509).....	440
31. Капитуляция и освобождение (1509–1510).....	454
32. Смена союзников (1510–1513).....	465
33. Новая Венеция (1513–1516).....	478
34. Триумф империи (1516–1530).....	486
ЧАСТЬ IV. ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ	499
35. Мир (1530–1564).....	501
36. Потеря Кипра (1564–1570).....	517
37. Лепанто (1570–1571).....	534
38. Закат столетия (1571–1595).....	542
39. Последнее отлучение (1595–1607).....	561
40. Измена и заговор (1607–1622).....	574
41. Дзено против Совета десяти (1623–1631).....	587
42. Критская война (1631–1670).....	600
43. Морозини и Морея (1670–1700).....	620
44. Пожаревацкий мир и окончание войны (1700–1718).....	635
45. XVIII век (1718–1789).....	644
46. Падение (1789–1797).....	669
Эпилог	699
<i>Благодарности</i>	707
<i>Список дождей (726–1797)</i>	708
<i>Примечания</i>	710
<i>Библиография</i>	719

Пролог

Первое знакомство с любым предметом должно быть кратким, но интенсивным. Летом 1946 г. родители привезли меня в Венецию; мы провели там лишь несколько часов, но я до сих пор чувствую (именно чувствую, а не просто вспоминаю!) впечатление, которое она произвела на ум тогдашнего шестнадцатилетнего юноши. Отец, с обычным для него сочетанием твердости и здравого смысла, ограничился посещением всего двух зданий: собора Святого Марка и «Бара Гарри». А за остальное время, пока мы бродили по городу пешком или плыли на мягко покачивающейся гондоле, я бессознательно впитал первый важнейший урок Венеции (которого, к слову сказать, так и не выучил бедный Рёскин, упершийся лбом в трифолии и краббы на стенах Дворца дожей): в Венеции, как ни в одном другом городе мира, целое превосходит сумму своих частей. При всем величии ее церквей, грандиозности дворцов и ослепительной красоте картин главным ее шедевром остается она сама, Венеция. Интерьеры, не исключая даже великое золотое таинство Святого Марка, — лишь частности. Первое же, что надлежит испытать и постичь, — это то, как сочетаются друг с другом Пьяцца и Пьяццетта, и под каким благородным прямым углом к набережной Моло поставлен Сан-Джорджо-Маджоре, и как играет свет на изгибах каналов, и как плещется вода о борт гондолы, и как повсюду разливается вездесущий запах моря (а во избежание недоразумений добавим, что Венеция — самый благоуханный город Европы, не считая часов, когда ветер дует со стороны Местре и Маргеры). Время для Тициана

и Тинторетто настанет позже. И даже Витторе Карпаччо придется подождать.

Пока мы блуждали по улицам и плавали по каналам, отец говорил об истории Венеции, и я узнал, что это не просто прекраснейший из городов, какие мне доводилось видеть. Это еще и бывшая республика, которой удалось сохранять независимость более тысячи лет (дольше, чем Англия прожила со времен Нормандского завоевания!) и почти все это время оставаться госпожой Средиземноморья, главным перекрестком путей между Востоком и Западом и самым богатым и процветающим торговым центром цивилизованного мира. Отец рассказал, как Венецию защищало море — не только в первые бурные времена, но и на протяжении всей ее истории: это единственный город Италии, который ни разу не был захвачен, разграблен или разрушен. Ни разу — до тех пор, пока Наполеон, этот самозванный «венецианский Аттила», в одном затяжном припадке мстительной злобы не положил конец «Тишайшей республике». Да, признавал отец, ее уникальная государственная система отличалась суровостью, а временами и жестокостью; но, по его словам, она была честнее и справедливее, чем где бы то ни было в Европе, а вдобавок изрядно пострадала от клеветы историков. Именно по этой причине — чтобы восстановить ее доброе имя — он и собирался написать историю Венеции сам.

В тот первый визит мы уехали, как только начало смеркаться и над Гранд-каналом зажглись фонари. Ни один город я еще не покидал с таким горьким сожалением. Но на следующий год мы вернулись и задержались подольше; я начал исследовать город самостоятельно и открыл одно из главных удовольствий своей жизни — ночные прогулки по Венеции. К одиннадцати часам на улицах не остается ни души, кроме кошек; освещение идеально — ничего, кроме редко стоящих электрических фонарей, а тишину нарушают лишь ваши шаги да случайные всплески воды, неразличимой в сумраке. Во время этих прогулок, лет тридцать назад тому назад, я и влюбился в Венецию. С тех пор я исходил ее вдоль и поперек — и люблю по-прежнему.

Мой отец умер в 1954-м, на Новый год. После него сохранилось внушительное собрание книг о Венеции и несколько страниц заметок, но книга по истории города, за которую он так долго мечтал взяться, осталась ненаписанной. Однако сейчас, как мне кажется, необходимость в подобной книге стала еще острее, чем в те времена. Город отчаянно борется за жизнь, привлекая к себе все больше внимания обществен-

ности; но, несмотря на обилие замечательных путеводителей, очерков, обзоров, посвященных искусству и архитектуре, и исторических исследований по отдельным периодам, с начала XX в. на английском языке появилась (насколько мне известно) всего одна, да и то чересчур краткая книга, в которой общая история Венецианской республики изложена целиком и последовательно, в хронологическом порядке. В XIX в., положим, таких работ вышло несколько, но все они, на мой (возможно, чересчур ревнивый) взгляд, либо неточны, либо неудобочитаемы — и даже, как правило, сочетают оба этих недостатка.

Итак, эта книга — попытка заполнить пробел: изложить всю историю Венеции от ее истоков, теряющихся в тумане, и до того печального для всей Европы дня, когда Лодовико Манин медленно снял с головы дожескую шапку и передал ее секретарю со словами, что больше она ему не понадобится. Задача оказалась нелегкой: одна из самых трудноразрешимых проблем, с которыми сталкивается любой историк Венеции, — это инстинктивный, подчас доходящий до фобии страх перед малейшим, пусть даже косвенным намеком на культ личности. Всякому, кто берется за эту тему, рано или поздно доводится с тоской и завистью вздохнуть о городах материковой Италии, по которой великолепной и надменной процессией шествуют обладатели громких имен: Медичи и Малатеста, Висконти и делья Скала, Сфорца, Борджиа и Гонзага... В Венеции же громкие имена куда чаще носят дворцы, чем люди, а пробудить в себе живой человеческий интерес к постановлениям и дебатам безликого Совета десяти куда как непросто.

Еще одной трудностью для меня стало постоянное искушение отвлечься от истории как таковой и погрузиться в рассуждения о живописи и скульптуре, архитектуре и музыке, костюмах, обычаях и общественной жизни — особенно когда дело дошло до XVIII в., в котором искусственная изощренность этой жизни достигла таких высот, на какие поднималась разве что военная машина республики тремя столетиями ранее. Казанова и Карманьола — кто из них был более оторван от реальности? Которая из двух фигур трагичнее — или в конечном счете смешнее, если уж на то пошло? С этим искушением я старался бороться, насколько мог (хотя и отдаю себе отчет, что преуспел не вполне, особенно в том, что касается архитектуры), потому что книг на подобные темы, написанных знатоками и снабженных множеством иллюстраций, в наши дни и так предостаточно, а моя работа и без того чрезвычайно объемна.

Впрочем, она могла бы стать еще объемнее, если бы не тот факт, что история Венеции то слишком богата событиями, то, наоборот, слишком бедна. Рассказать о раннем периоде, от которого дошло не так уж много первоисточников, да и те зачастую противоречат друг другу, можно довольно быстро. Но по мере того, как республика набирала силу, картина становится все более и более сложной. Период с XIII по XVI в. — от латинского завоевания Константинополя и основания венецианской торговой империи до затяжной и печальной истории французского вторжения в Италию и до того душераздирающего момента, когда против Венеции ополчилась едва ли не вся цивилизованная Европа, — так насыщен событиями, что порой я даже сомневался, смогу ли когда-нибудь довести свой труд до конца, а если и смогу, захочет ли хоть кто-то его прочесть. Но затем история внезапно замедляет ход. Читателям, которые удивленно вскинут брови, обнаружив, что в последней части книги целому столетию уделено меньше внимания, чем раньше уделялось десятилетию, и с облегчением скажут, что автор, похоже, выдохся, я могу лишь напомнить, что такие же подозрения навлекали на себя все историки Венецианской республики, на каком бы языке и в какую бы эпоху они ни писали свои труды. Все дело в том, что XVII в., по сравнению с предшествующими, был действительно скуден на политические события, а XVIII столетие (если не считать его заключительного десятилетия) вышло еще того скуднее. И если бы не это счастливое обстоятельство, мне пришлось бы потратить на книгу еще несколько лет.

Но за все упомянутые трудности я вознагражден с лихвой. Чего стоит один только исключительный характер Венеции — ее неповторимая индивидуальность! Из всех городов Италии, еще хранящих былое величие, только Венеция основана и выпестована греками. Не случайно именно здесь находится самая большая в мире византийская церковь, где все еще совершаются христианские богослужения и где господствует патриарх. Даже перестав зависеть от Константинополя, Венеция еще долгое время смотрела на Восток, повернувшись спиной ко всей остальной Италии. Кошмарные хитросплетения средневековой итальянской политики, гвельфы и гибеллины, император и папа, бароны и гражданские общины — до всего этого ей не было дела. И к тому времени, когда она наконец снизошла до создания континентальной торговой империи, характер ее уже полностью сложился по свойственному только ей причудливому образцу.

ПРОЛОГ

Это во-первых. А во-вторых, город поражает своей неизменностью. Воды лагуны защищали его от всех захватчиков, кроме самого последнего (и кроме более коварного врага, пришедшего уже в XX в., а именно автомобиля), так что и по сей день Венеция во многом сохраняет тот же облик, в котором она представала миру не только при Каналетто, но и во дни Карпаччо и Джентиле Беллини. Столь очевидную победу над временем в любом городе пришлось бы признать необычным явлением; но коль скоро речь идет о красивейшем городе мира, это уже не просто феномен, а истинное чудо. Вдобавок это редкостный подарок для историка, помогающий воссоздать — по крайней мере, в воображении — гораздо более живую и ясную картину минувших эпох, чем это возможно в любом другом городе Европы.

Впрочем, что касается воображения, то я старался крепко держать его в узде, памятуя о том, что книга, которую я пишу, — не художественная. Но и основательным научным трудом ее тоже не назовешь: временной период, который она охватывает, слишком велик, и мне приходилось продвигаться вперед любой ценой, зачастую в ущерб подробному анализу событий. Единственная поблажка, которую я себе позволил, — это время от времени упоминать о постройках и памятниках, украшающих Венецию и по сей день, да и то лишь в тех случаях, когда они имели непосредственное отношение к описываемым событиям. В остальном я стремился лишь к одному: излагать историю как можно более лаконично и связно. И единственное, о чем я жалею, — что эта задача выпала на долю мне, а не моему отцу, который справился бы с ней четверть века назад не в пример виртуознее.

Нередко можно наблюдать, как огромные волны миграции захлестывают какую-нибудь страну, изменяя ее облик и открывая новую эру в ее истории. Но совсем другое дело — горстка беженцев, выброшенная судьбой на песчаную отмель шириной в несколько сотен туа¹, давшую им приют, но не давшую территории для развития. И тем не менее все новые переселенцы стекаются на эти зыбкие пески, где нет ни растительности, ни питьевой воды, ни строительных материалов, ни даже места для строительства, — никакой основы для промышленности, необходимой, чтобы выживать и укреплять почву под ногами. И вот уже они являют народам своего времени первый пример правления, регулируемого законами, создают, по существу, на болотах и раз за разом возрождают могучий флот, ниспровергают великую империю и собирают богатства Востока. Прошло время, и потомки этих беженцев стали определять политическое равновесие Италии и господствовать на морях, фактически превратив все государства Европы в своих данников, и, наконец, свели на нет усилия наций, объединившихся против них в союз. Это, несомненно, великий подвиг человеческого духа, заслуживающий самого внимательного рассмотрения.

Пьер Дарю. История Венецианской республики

¹ Ту а з — старинная французская мера длины, около 2 м. — *Прим. перев.*

Часть I

От варварских нашествий до Четвертого крестового похода

Вопрос: Что есть море?

Ответ: Прибежище в невзгодах.

Алжун. Беседа детей в вопросах и ответах

1

Истоки

(ДО 727 Г.)

Немногие бежали от того,
Кто похвалялся: «Там, где конь прошел мой,
Трава уж не растет», — но беглецы
Венции начало положили.
Сперва они гнездились, точно чайки,
Над бездной моря, на песках зыбучих,
Под ветром, дувшим с севера и с юга,
И каждый шаг давался им с трудами;
Но время шло, и вот уж над волнами,
Как бы могучим выдохом пучины,
Вознесся город золоченых шпилей,
Театров и украшенных соборов,
Арена славы и оплот сиянья,
Себе не знавший равных за века.

Сэмюэл Роджерс. Венеция

В некотором смысле Венеция до сих пор лежит в колыбели, из которой когда-то вышла. Пожалуй, во всем мире не найдется другого большого города, которому удалось бы сохранить в своем непосредственном окружении так много от первоначальной атмосферы породившей его среды. Путешественник, приближающийся к Венеции — будь то с моря, как и подобает к ней приближаться, или по суше, через мост, или даже по воздуху, — видит все ту же плоскую и пустую водную гладь, все те же болота и тростниковые заросли, среди которых некогда нашли приют первые венецианцы; и поражается, с каждым разом все сильнее, не просто неосуществимости, а чистому безрассудству их затей. Это причудливый мир — мир венецианской лагуны: около 200 квадратных миль соленой воды, большей частью мелкой, человеку по пояс, но изрезанной глубокими каналами, по которым венецианские корабли столетиями пролагали путь в открытое море; усыпанной отмелями — отложениями ила, который веками несли сюда с Альп Brenta, Силе и другие, еще более могучие реки, наподобие По и Адидже; ощетинившейся несметными рядами столбов и свай, которые вбивали в песчаное дно как приметы невидимых, но важных деталей местности: рыболовных угодий и вершей для омаров, зато-

нувших кораблей, тянущихся под водой канатов и якорных цепей, мелководий и предпочтительных маршрутов для лодочников, занимающихся перевозками между городом и островами. В любое время года, при любом освещении лагуна кажется до странности бесцветной: вода здесь не настолько глубока, чтобы обрести насыщенную бархатистую синеву Средиземного моря или терпкую зелень, обычную для других областей Адриатики. И все же она бывает прекрасна – в особенности осенними вечерами, когда дни становятся короче и поверхность лагуны блестит, точно масло, под низким, туманным солнцем. Так прекрасна, что невольно задаешься вопросом: почему знаменитые венецианские художники, зачарованные все, как один, великолепием своего города, уделяли так мало внимания его окрестностям? Будь на их месте голландцы, они бы знали, что делать! Впрочем, венецианскую школу всегда отличала жизнерадостность, а лагуна, при всей своей красоте, бывает невыразимо печальной. И спрашивается, кто в здравом уме решился бы покинуть плодородные равнины Ломбардии, чтобы основать поселение (не говоря уже о городе) среди этих болотистых, малярийных пустошей, на этих крохотных песчаных островках, поросших пыреем, – беззащитных игрушках течений, приливов и ветров?

Это вопрос, на который можно дать лишь один ответ, потому что толкнуть людей на столь неразумный, по всем меркам, шаг может только одно побуждение – страх. Основатели Венеции были перепуганными беженцами. Откуда они бежали изначально, не имеет значения; возможно, из Иллирии, хотя одно предание возводит их историю ко временам Гомера и гласит, что это были жители Анатолии, откочевавшие на запад после падения Трои. Но, как бы то ни было, к рубежу IV–V вв. будущие основатели Венеции уже вели цивилизованную оседлую жизнь, расселившись по городам Римской империи вдоль северного и северо-западного побережий Адриатики – таким, как Падуя и Альтино, Конкордия и Аквилея. Лагуна интересовала их разве что как источник соли и свежей рыбы.

Без сомнения, так бы все и продолжалось, если бы история дала на это хоть малейший шанс. Но с началом V столетия на север Италии обрушились варвары. Вначале пришли готы под водительством Алариха: в 402 г. они взяли в осаду Аквилею, по пути разграбив и предав огню богатую провинцию Венетия и Истрия и повергнув в ужас всю Италию. Население целых городов и деревень в страхе бежало перед армией захватчиков. Людям требовалось укрытие – одновременно и неприступное, и незавидное: такое, чтобы враг не имел ни побудительных мотивов, ни

практических возможностей последовать туда за беженцами. В этой ситуации острова лагуны оказались очень мудрым выбором. Сюда, решили переселенцы, эти дикари из континентальной Европы, незнакомые с морем и мореходством, скорее всего, не пойдут: на материке хватало куда более привлекательных и богатых целей. Переселенцы оказались правы. В последующие годы беглецов, устремлявшихся в безопасный приют по каналам и отмелям, становилось все больше — по мере того, как через полуостров лавина за лавиной прокатывались все новые волны варваров. В 410 г. Аларих разграбил Рим, а всего через одиннадцать лет был официально основан город Венеция: в полдень 25 марта 421 г.

Так, по крайней мере, гласит древнее и почтенное венецианское предание. К сожалению, документ, на который оно опирается и который связывает основание города с визитом трех падуанских консулов, приехавших создать факторию на островах Риальто, всего лишь правдоподобен, но едва ли правдив. Да, подобная делегация вполне могла посетить острова, и прибытие высоких гостей из Падуи действительно могли ознаменовать строительством церкви, названной в честь святого Иоанна (Сан-Джакомо), как утверждает в этом документе¹. Но даже если и так, развивать колонизацию падуанцы не стали, а дата основания города, указанная с такой немислимой точностью, представляется слишком ранней: едва ли на этом этапе островитяне могли самостоятельно проявить столь серьезную инициативу. По меньшей мере до середины V в. мало кто из них рассчитывал остаться на островах навсегда. Как только очередная волна завоевателей отступала, среди беженцев вспыхивала надежда, что скоро они смогут вернуться по домам (если от них хоть что-нибудь осталось) и к прежнему образу жизни. Прошло не одно десятилетие, прежде чем их потомки поняли, что этому не бывать.

Потому что готы оказались лишь первой ласточкой. В 452 г. на смену им явился новый бич народов, куда более свирепый и жестокий, — гунн Атиллы, который неудержимо продвигался через Северную Италию, разрушая все на своем пути. Он тоже осадил Аквилею; та героически оборонялась на протяжении трех месяцев, и варвары, не привыкшие к такому стойкому сопротивлению, уже начали поглядывать в сторону более доступных жертв. Но однажды Атиллы, объезжая верхом городские стены, поднял голову и заметил аиста, покидающего со своими птенцами гнездо

¹ На этой легенде основаны заявления о том, что именно Сан-Джакомо ди Риальто — старейшая церковь Венеции. Но современное здание этой церкви датируется периодом не ранее конца XI в. — *Прим. перев.*

на одной из башен. Невозможно удержаться и не процитировать Гиббона: «С прозорливостью находчивого политика он понял, какую пользу можно извлечь из этого ничтожного факта при помощи суеверия, и воскликнул радостным голосом, что такая ручная птица обыкновенно живет в соседстве с людьми и не покинула бы своего старого убежища, если бы эти башни не были обречены на разрушение и безлюдье»¹. Гунны, воодушевленные этим знаменем, устремились на приступ с новой силой, и всего через день-другой от девятого по величине города Римской империи осталась лишь пустая скорлупка.

За последующие годы та же судьба постигла и многие другие города, селения и усадьбы, так что поток беженцев постоянно рос. Многие продолжали упорно возвращаться на материк, увидев, что непосредственная опасность миновала, но немало находилось и таких, кто предпочитал остаться, примирившись с новыми обстоятельствами и сочтя их приемлемыми. По мере того как условия жизни на материке ухудшались, островные общины росли и даже начали процветать. В 466 г. их представители собрались в городе Градо и разработали простейшую систему самоуправления, основанную на ежегодных выборах трибуна от каждой из общин. На том этапе связи между общинами были еще совсем слабыми, а в собрании участвовали не только жители небольшого архипелага, который сегодня известен под именем Венеции: тот же Градо стоит милях в шестидесяти от него, к югу от Аквилеи, на берегу другой лагуны. И все же именно с этой давней ассамблеи начался неспешный конституционный процесс, который в конечном счете и породил Тисячайшую республику.

Разумеется, самоуправление — не то же самое, что независимость; но географическая изоляция помогала первым венецианцам держаться в стороне от политических катастроф, сотрясавших остальную Италию. Гладь лагуны не всколыхнуло даже падение Западной Римской империи и низложение последнего ее императора, малолетнего Ромула Августула, свергнутого варваром Одоакром. Даже остгот Теодорих, в свою очередь свергнувший Одоакра, похоже, сомневался в безоговорочном повиновении венецианцев. Письмо «морским» трибунам от префекта претория Кассиодора, написанное в 523 г. и направленное из столицы Теодориха, Равенны, кажется чересчур витиеватым и льстивым для образца рутинной чиновничьей корреспонденции:

¹ Э. Гиббон. Закат и падение Римской империи, глава 18. Здесь и далее цит. в переводе В. Неведомского.

Урожай в Истрии, — писал Кассиодор, — выдался в этом году на диво изобильным, ввиду чего поступил приказ обеспечить доставку вина и оливкового масла в Равенну. Итак, молю вас доказать свою преданность и произвести упомянутую доставку со всею возможной скоростью. Ведь вам принадлежит множество судов в ваших краях... и плыть вы будете, в некотором смысле, через собственные владения. Не считая прочих преимуществ, перед вами всегда открыт безопасный путь: когда поднимается бурный ветер, затворяя выход в открытое море, вы можете укрыться выше по течению безмятежнейших рек. Буря вашим кораблям не страшна: ведь они никогда не отходят далеко от берега. Издалека, когда борта их укрыты от взгляда, нередко кажется, будто они плывут не по волнам, а прямо через поля. Иногда вы и впрямь волочите их на канатах, подталкивая сзади...

Ибо вы живете как птицы морские: жилища ваши, подобно Кикладам, рассеяны по поверхности вод. Земля, на которой они стоят, держится лишь на корнях ивняка и лоз; и все же вы не страшитесь противопоставить столь хрупкий оплот неистовству моря. Ваш народ богат только рыбой — но ее хватает на всех. Вы не различаете богатых и бедных: пища у всех одинакова, дома у всех похожи. Зависть, правящая всем остальным миром, вам неведома. Все свои силы вы отдаете возделыванию своих соляных угодий, ибо в них, воистину, залог вашего процветания и возможности покупать то, чего у вас нет. Ведь если и есть на свете люди, не имеющие большой нужды в золоте, то людей, не желающих соли, среди живущих нет.

Итак, снарядите же со всем усердием суда свои (которых вы, словно лошадей, держите на привязи у дома) и поспешите отплыть...¹

Даже если сделать скидку на обычный для Кассиодора цветистый слог, впечатление остается однозначным: эти странные морские жители могут быть исключительно полезны для государства, но обращаться с ними следует аккуратно. Однако главная ценность его письма — в той картине жизни на лагунах, которую оно рисует (древнейшей из всех дошедших до нас)². Здесь уже обозначены два столпа, на которых в дальнейшем утвердилось величие Венеции, — торговля и мореплавание. Уже у первых посе-

¹ Cassiodorus, *Variorum*, Book XII, Letter 24. — *Прим. перев.*

² Чтобы увидеть атмосферу Венеции VI в. более современными глазами (но, разумеется, менее достоверно), можно сравнить это описание с ура-патриотической трагедией Габриеле д'Аннунцио «Корабль» (1908), действие которой происходит в Венеции в 522 г. н. э. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

ленцев торговля была в крови. Соль, которую они собирали в своих садках, была не только ценным товаром: ее можно использовать для засолки рыбы, которая почти с такой же легкостью добывалась в окрестных водах. К середине VI в. венецианские торговые плоскодонки стали привычным зрелищем на реках Северной и Центральной Италии.

Формировался и морской флот. Во времена Теодориха, по-видимому, он использовался в основном в мирных целях — для доставки припасов в Равенну; но вскоре после смерти остготского короля на полуостров снова пришла война. Теодорих вторгся в Италию с благословения Византии, но правил как абсолютный монарх, не желая терпеть вмешательство даже со стороны Константинополя. Под его властью Италия фактически вышла из состава Восточной Римской империи. Хуже того, и сам Теодорих, и многие его подданные были ревностными арианами. Арианство (согласно которому Христос был не истинным богом, а творением Бога Отца, не равным ему по божественности) давно уже было осуждено как ересь, но на первых порах почти все христианские миссионеры проповедовали варварским племенам именно это учение, и в результате оно успело распространиться по всей Европе. Сам Теодорих отличался религиозной терпимостью: он допускал полную свободу вероисповедания, в частности, сурово преследовал проявления антисемитизма. Но еретические воззрения остготов дали Византии оправдание для начала войны, и в 535 г. император Юстиниан развернул кампанию по возвращению Италии в лоно империи, доверив эту задачу самому выдающемуся своему полководцу Велизариию.

Жителей лагуны война затронула лишь косвенно: властям снова потребовались их корабли, но теперь уже далеко не в мирных целях. В 539 г. Велизарий подступил к стенам Равенны, и венецианцам велели держать гавани наготове — на случай, если придут греческие суда с подкреплениями, — а весь собственный флот направить на помощь византийским войскам, осадившим столицу.

Равенна пала; Италия снова вошла в состав империи, и, хотя мир на полуострове в целом воцарился еще не скоро, старая римская провинция Ветия и Истрия полностью сохранила свои прежние территории и охотно покорилась Константинополю. С точки зрения местного населения, ничего не изменилось к худшему: повседневными делами по-прежнему управляли избранные трибуны, а высшая имперская власть оставалась далеко и взирала на отвоеванные провинции благосклонно. В 551 г. местные жители помогли преемнику Велизария, семидесятилетнему евнуху Нарсесу, доставить морем в Равенну наемников-лангобардов, кото-